

УДК 821.161.1

ПУШКИНСКИЙ МИФ В КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ РУССКИХ ПОЭТОВ

XIX–XX ВВ.

Иванова Н. П.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru

В статье с позиций методов, направленных на изучение рецептивной эстетики, рассматривается влияние факта посещения Крыма А. С. Пушкиным в 1820 г. и произведений поэта, связанных с его пребыванием на полуострове, на восприятие этого края литературными деятелями XIX–XX вв. и их творчество, анализируются способы реализации пушкинского мифа в Крымском тексте русских поэтов указанного периода. Целью статьи является выявление структуры и особенностей функционирования писательского мифа об А. С. Пушкине. Материалом исследования стали поэтические произведения В. Г. Бенедиктова, М. А. Волошина, П. А. Вяземского, Н. А. Некрасова, В. В. Набокова, Н. Н. Тuroверова, И. Г. Волобуевой, М. А. Тарловского, Б. А. Чичибабина, в которых реализованы следующие мифологемы, составляющие структуру пушкинского мифа и образующие определенную иерархию: «романтический герой», «наставник-вдохновитель», «сакральная личность», «источник сакрализации Крыма». В результате исследования сделаны выводы о том, что посещение А. С. Пушкиным Крыма и отражение этого факта в творчестве поэта стало предпосылкой к возникновению пушкинского мифа. Восприятие полуострова сквозь призму анализируемого мифа приводит к сакрализации этого края.

Ключевые слова: Крымский текст, пушкинский миф, писательский миф, структура мифа, мифологема.

ВВЕДЕНИЕ

В свете сформулированного Ж. Деррида положения постмодернистской философии о мире как тексте, получившего столь широкое распространение на рубеже XX – XXI вв., в литературоведении особую значимость приобретают методы исследования произведений, ориентированные на изучение читательского восприятия – герменевтика и рецептивная эстетика. Очевидную актуальность приобретают проблемы интерпретации не только художественных текстов, но и самой их рецепции, являющейся своего рода актом индивидуально-авторского мифотворчества, объектом которого становятся писатели-классики, представившие миру его концептуальное текстовое осмысление – по сути, создатели мира как текста. В этот период и возникают, к примеру, такие понятия как «лермонтовский миф», «гоголевский миф» и, конечно, «пушкинский миф», так как, по справедливому

мнению М. Н. Виролайнен и М. В. Загидуллиной, «А. С. Пушкин, отвечая ряду национальных ожиданий (прежде всего языковой реальности нации), оказался той самой “духовностью”, которая остается в “сгущенном” виде, не подчиняясь закону всеобщей “размытости” во времени» [10, с. 8].

На рубеже XX–XXI вв. появляются работы, не только оперирующие понятием «пушкинский миф», но и прослеживающие историю его функционирования (сборник трудов «Легенды и мифы о Пушкине» (1994), диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Загидуллиной М. В. «Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (Творчество А. С. Пушкина в рецептивном аспекте)» (2002) и Шеметовой Т. Г. «Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов» (2011) и др.). В связи с вышесказанным представляется вполне закономерным, что С. Г. Бочаров определил «пушкинский миф» как явление «национальной пушкинской герменевтики» [2, с. 572]. М. В. Загидуллина уточняет это определение и считает, что «пушкинский миф – это совокупность реакций национального масштаба на творчество и личность Александра Сергеевича Пушкина, в основе которых лежит признание его Первым Национальным Поэтом» [10, с. 10]. Исследователь формулирует также понятие «писательский миф», подразумевая под ним особую разновидность мифов нового времени, «когда объект проекции (автор классических текстов) выступает в качестве носителя высших ценностей и откровений (Пророка). При этом писательский миф отвечает трем задачам: объяснению, почему именно эта личность смогла создать подобное произведение, аккумулярованию легенд о жизни писателя и установлению корреляции между эпохой, когда жил писатель, и современностью» [10, с. 9].

Другой исследователь – Т. Г. Шеметова – указывает на чрезвычайную важность такого рода писательского мифотворчества: «...миф о Пушкине для современной русской литературы не менее ценен, чем само творчество поэта. Каждое новое его воплощение представляет собой самостоятельный (по отношению к творчеству, а порой и к исторической личности А.С. Пушкина) культурный и художественный

феномен, имевший первоначальным импульсом какой-то из аспектов пушкинского мифа» [23, с. 202].

Так как миф, по К. Г. Юнгу, порожден коллективным бессознательным, нуждающимся в существовании некоей сакральной зоны, а его объектом зачастую выступают личности, связанные с духовными сферами жизни и определяющие их, то ему присущи агиографические черты, а значит, писательское и читательское мифотворчество основано на фактах биографии личности, которую оно проецирует. И в этом смысле посещение А. С. Пушкиным Крыма в начале творческого пути во многом не только определило характер его поэзии, но и стало одной из первых предпосылок к возникновению пушкинского мифа, на что Н. В. Гоголь указал еще в 1834 году, отметив, что поэт «...проникнут и напитан великолепными крымскими ночами и садами... На них он невольно означил всю силу своего таланта, и оттого произведения его, напитанные Кавказом... и ночами Крыма, имели чудную магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его» [8, с. 665]. В связи с этим представляется, что поэты, посетившие Крым и предпринявшие в своем творчестве попытку отражения и осмысления значения пушкинского пребывания на полуострове, внесли весомый вклад в формирование пушкинского мифа.

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление структуры и особенностей функционирования писательского мифа о Пушкине, эксплицированного в Крымском тексте русских поэтов XIX-XX вв. Под Крымским текстом (термин А. П. Люсого [15]) мы вслед за В. В. Курьяновой понимаем «семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире», закрепленную в литературном произведении [14, с. 5].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Прежде всего, стоит отметить, что процесс создания крымской составляющей пушкинского мифа начался практически сразу после поездки поэта в Крым в 1820 г. и выхода в свет поэмы «Бахчисарайский фонтан» в 1824 г. П. А. Вяземский, осуществивший ее первое издание, посетил Бахчисарай и описал его в одноименном

стихотворении, уже опираясь на текст пушкинской поэмы: «От страшных дум не отрешась, / Еще здесь носится Зарема, / Загробной ревностью томясь» [6, с. 229]. Т. е. представления современников А. С. Пушкина о Крыме обретают неразрывную связь с именем поэта. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи В. А. Жуковского, предпринявшего с царской семьей в 1937 году путешествие в Крым. В них фонтан Ханского дворца дважды назван «Фонтаном Пушкина». Одна из целей поездки – почтить память поэта, и 11 сентября, в семнадцатую годовщину последнего дня, проведенного Пушкиным в Крыму, наставник цесаревича устроил в Бахчисарае настоящий литературный праздник, а вечером читал императрице и ее гостям поэму «Бахчисарайский фонтан».

Надо сказать, что сам процесс написания этой поэмы, видимо, связан с мифотворчеством, так как посещение Ханского дворца сам Пушкин описывал следующим образом: «В Бахчисарай приехал я больной... Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода» [18, Т. 7, с. 280-281]. Однако эти строки в письме к А. А. Дельвигу написаны уже во время Михайловской ссылки в 1824 году. Время окрашивает будничные предметный мир в совершенно иные тона и порождает новые грани мировосприятия, подчас необъяснимые даже для самого автора: «...почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием?» [18, Т. 7, с. 281]. С одной стороны, мы, конечно, понимаем и помним: «Что пройдет, то будет мило». С другой, как представляется, себя обнаруживает и власть мифа над человеческим сознанием, пусть даже этот миф создан самим его носителем.

Следовательно, Крымский текст становится одним из средств экспликации пушкинского мифа. Так, Г. П. Данилевский в 1850 году в «Письмах из степной деревни» вспоминал: «Я снова в Бахчисарае. Сердце мое бьется при мысли о роли Бахчисарая в судьбе нашего Пушкина!» [3, с. 256]. При этом литератор занимается демифологизацией пушкинского Крымского текста: «...я открыл даже несообразность в стихах нашего великого поэта. Зарему у Пушкина зашивают в мешок и наутро бросают в бурные волны вод. В Бахчисарае и его окрестностях одна

только река Чюрюк-Су, что значит гнилая вода <...> и так мелка и узка, что во многих местах через нее переходят мухи по колену» [3, с. 257-258].

Однако факт реализации пушкинского мифа в Крымском тексте к середине XIX века уже становится неопровержимым. Одно из доказательств тому – стихотворение В. Г. Бенедиктова «Бахчисарай», написанное не позднее 1850 года: «Все пусто - башни и киоски, / Лишь чьей-то тени виден ход / Да слышны в звонком плеске вод / Стихов волшебных отголоски. / Вот тот фонтан!.. Когда о нем, / Гремя, вещал орган России, / Сей мрамор плакал в честь Марии, / Он бил слезами в водоем...» [1, с. 139]. Эта музыка стихов «органа России» была услышана и нашла отклик в творчестве других поэтов, поэтому одна из мифологем, входящих в структуру пушкинского мифа, эксплицированного в Крымском тексте русских поэтов, может быть определена как «наставник-вдохновитель». Так, Б. А. Чичибабин в стихотворении «Чуфут-Кале», посвященном древнему городу, расположенному вблизи Бахчисарайского дворца, сказал: «Не зря вослед звенели птичьи стаи, / как хор светил, / и Пушкин сам наш путь в Бахчисарае / благословил» [22]. Здесь видятся интертекстуальные отголоски и строк о державинском благословении начинающих поэтов из «Воспоминаний в Царском селе», и процитированной Ф. М. Достоевским известной фразы Э. Вогиэ о том, что «все мы вышли из гоголевской шинели» (это прозаики, а поэты, по Чичибабину, видимо, из «Бахчисарайского фонтана»). Здесь же, на наш взгляд, угадываются и отголоски руссоистского пантеизма, столь характерного для романтиков и воплощенного в следующей мифологеме, эксплицирующей пушкинский миф – «романтический герой».

Ключевые составляющие её семантической структуры – бегство от людской толпы в мир природы, одиночество, погруженность в мечты – реализованы в стихотворении А. А. Голенищева-Кутузова «В Гурзуфе» (1894), имеющем подзаголовок «Посвящается памяти Пушкина» (интересно, что А. А. Голенищев-Кутузов родился в Царском Селе в один день с А. С. Пушкиным, но с разницей в 49 лет – в 1848 году): «Беглец толпы людской, лишь волн внимая шуму, / Свою великую в тиши он думал думу / И песни вольные в мечтаньях создавал. / Те песни разнеслись по свету, и донине / В сердцах избранных они звучат...» [9, с. 197].

Эта же мифологема реализована в поэме «Русские женщины» Н. А. Некрасова, посетившего Крым в 1876 году и специально экипажем ездившего в Гурзуф, чтобы познакомиться с пушкинскими местами, в которых никогда не бывал, хотя за четыре года до этого описывал пребывание там Пушкина, опираясь, видимо, на воспоминания М. Н. Волконской, с которой был лично знаком: «Прогулки его продолжались по дням / И были всегда одиноки, / Он у моря часто бродил по ночам. / По-английски брал он уроки / У Лены, сестры моей: Байрон тогда / Его занимал чрезвычайно...» [17, с. 294].

Увлеченность личностью и творчеством Дж. Байрона – тоже важный компонент семантической структуры мифологема «романтический герой» наряду с антропоморфизацией окружающего мира, верой в мистическое единство человека и природы (Байрон упоминает о Руссо в «Паломничестве Чайльд-Гарольда»), что, видимо, и обусловило появление известных некрасовских строк о гурзуфском кипарисе: «У самой террасы стоял кипарис, / Поэт называл его другом, / Под ним заставал его часто рассвет, / Он с ним, уезжая, прощался...» [17, с. 294].

Представляется, что именно эта семантика определила существование в структуре пушкинского мифа еще одной мифологема – «сакральная личность». Неслучайно Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины» говорит о том, «что Пушкина след в туземной легенде остался» [17, с. 294]. В этой легенде оказались переплетенными сакральность и антропоморфизм: «К поэту летал соловей по ночам, / Как в небо луна выплывала, / И вместе с поэтом он пел — и, певцам / Внимая, природа смолкала!» [17, с. 294].

Итак, это еще один этап процесса возникновения «константных (мифологических) представлений» (термин С. О. Курьянова [12]) о пушкинских местах в Крыму, так как одна из первых легенд о «пушкинском кипарисе» появилась в «Санкт-Петербургских ведомостях» еще в 1854 году (публикация писем писательницы Евгении Тур). Эту же легенду в статье «Пушкин в Южной России» (1861) приводит историк П. И. Бартенев: «Постоянные обитатели Гурзуфа, тамошние татары, уверяют, что когда поэт сживал под кипарисом, к нему прилетал соловей и пел с ним вместе, с тех пор каждое лето возобновлялись посещения пернатого певца,

но поэт умер, и соловей больше не прилетал» [19, с. 19]. Благодаря печатному слову, а также, возможно, рассказам М. Н. Волконской об этом мифологическом сюжете узнал и Н. А. Некрасов, скорее всего, еще до начала работы над поэмой «Русские женщины».

Однако наиболее часто в Крымском тексте русских поэтов XIX-XX вв. мифологема «сакральная личность» эксплицируется посредством бинарной оппозиции «сакральное – профанное»: наш земной мир оказался неготовым ни к приходу обладателя священного дара, ни к осмыслению его мессианской роли, что, однако, не умаляет ни значимости, ни святости имени А. С. Пушкина. Об этом писал, в частности, А. А. Голенищев-Кутузов в конце XIX века: «На дальнем севере, под снежной пеленой, / Лежит он — и доднесь презренные зоилы / Святыню имени его сквернят хулой. / Но сердцу верится, что в царстве вечной ночи / Певцу невнятен шум житейской суеты; / Что, сквозь могильный сон, души бессмертной очи / Доступны лишь лучам бессмертной красоты...» («В Гурзуфе», 1894) [9, с. 197].

И в конце XX века указанная оппозиция реализована в стихотворении И. Г. Волобуевой «Бахчисарай»: «Край южных роз и гурий райских, / Будивший Пушкина восторг. / И вдруг райцентр бахчисарайский, / Бахчисарайский пицеторг. / Как неожиданно и странно / Здесь видеть этих будней штрих...» [4]. Действительно, народная память склонна переплавлять сакральное в профанное – об этом писал и Н. А. Некрасов, рассказывая о пушкинском кипарисе: «Но Пушкин надолго прославил его: / Туристы его навещают, / Садятся под ним и на память с него / Душистые ветки срывают...» [17, с. 295].

Однако существует и обратный процесс. Так происходит, во-первых, потому, что пушкинский миф уже преодолел все возможные временные рамки, поэтому в настоящее время, как и 200 лет назад, мы можем наблюдать известную картину, повлиявшую на возникновение пушкинского мифа и его отражение в Крымском тексте: «А на фонтане, льющем слезы, / Что был давнишнюю таят, / Там вновь две пушкинские розы / О тех печальницах грустят» [4]. Во-вторых, влияние пушкинского мифа на народное и авторское сознание приводит к сакрализации упомянутых в нем личностей, топосов, реалий и т. д. Следовательно, представляется возможным

выделить в структуре указанного мифа еще одну мифологему – «источник сакрализации Крыма». Механизм этого процесса исчерпывающе раскрыт А. А. Голенищевым-Кутузовым: «Он был когда-то здесь; на склоне этих гор / Стоял он в царственном раздумьи; это море / Влекло его мечты в неведомый простор / И отражалось в поднятом к солнцу взоре... / Что, может быть, сюда, на этот склон оврага, / Где верные ему платан и кипарис / Под небом голубым и солнцем разрослись, / Где дремлют старые утесы Аю-дага, / Певца святая тень приносится порой / Вдали земных сует, страстей, обид и горя, / Как некогда, смотреть в простор безбрежный моря, / С волнами говорить и слушать их прибой» [9, с. 197].

В этом стихотворении наряду с кипарисом упоминается еще одна мифема – «пушкинский платан». Под таким названием в путеводителях по Крыму дерево упоминается уже с конца XIX века и также является предметом мифотворчества. Согласно одним преданиям, его посадил сам А. С. Пушкин, согласно другим – поэт любил отдыхать в его тени. В действительности же этот платан появился в Гурзуфе в первую годовщину смерти поэта в феврале 1838 года и сразу стал называться «пушкинским». По свидетельству современников, его собственноручно посадил тогдашний владелец имения «Гурзуф» И. И. Фундуклей, а идею и сам выбор дерева-долгожителя (утверждают, что платаны живут до 2000 лет) подсказал В. А. Жуковский во время упомянутой выше поездки в сентябре 1837 года по крымским местам, оказавшим столь сильное влияние на молодого А. С. Пушкина [24]. Увековечивший таким образом память сразу двух великих поэтов «пушкинский платан» растет до сих пор.

В первой трети XX века в Крымском тексте русских поэтов уже существует мифологема «пушкинский Крым», как представляется, окрашенная упомянутыми выше семантемами: край, вдохновляющий поэтов, являющийся убежищем странствующего романтического героя, в котором человек может ощущать свое единство с природой, сакральное место. Н. Н. Туроверов – поэт, подьесаул, на одном из последних пароходов врангелевской эвакуации покинувший Крым 14 ноября 1920 года, так написал о своем прощальном визите в Бахчисарай: «В огне все было и в дыму, / Мы уходили от погони. / Увы, не в пушкинском Крыму / Тогда скакали наши

кони» («Бахчисарай») [21]. Иными словами, поэт, видимо, считает, что революция 1917 года, лишив Крым пушкинского мифа, не только демифологизировала, но и десакрализовала его. Стихотворению «Бахчисарай» он предпослал знаменитые пушкинские строки «Фонтан любви, фонтан живой! Принес я в дар тебе две розы» и, нарисовав картину «печального запустения» в Ханском дворце, попросился не только с дворцовым фонтаном, но и с мифом, поэтизировавшем Крым: «Прощай, фонтан холодных слез. / Мне сердце жгла слеза иная – / И роз тебе я не принес, / Тебя навеки покидая» [21].

А В. В. Набоков, оказавшийся в сходной ситуации и отправившийся в эмиграцию из Севастополя на год раньше Н. Н. Туроверова, не лишает Крым власти пушкинского мифа и в стихотворении «Крым» совсем иначе вспоминает о поездке в Бахчисарайский дворец: «В сенях воздушных капал ключ / очарованья, ключ, печали, / и сказки вечные журчали / в ночной прозрачной тишине, / и звезды сыпались над садом. / Вдруг Пушкин встал со мною рядом / и ясно улыбнулся мне...» [16, с. 235]. Таким образом вновь постулируется вневременность пушкинского мифа, и восприятие Крыма сквозь его призму приводит поэта к сходному с пушкинским мировосприятию и сакрализации этого края. Сравним два фрагмента Крымского текста. У А. С. Пушкина в «Тавриде» читаем: «Так, если удаляться можно / Оттоль, где вечный свет горит, / Где счастье вечно, непреложно, / Мой дух к Юрзуфу прилетит» [18, Т. 1, с. 513]. И у В. В. Набокова в стихотворении «Крым»: «К закату листья дум моих / при первом ветре обратятся, / но если Богом мне простятся / мечты ночей, ошибки дня / и буду я в раю небесном, / он чем-то издавна известным / повеет, верно, на меня!» [16, с. 236]. Итак, наделение Крыма семантикой Эдема и указание на возможность не расставаться с этим краем даже за порогом вечности встречаем у обоих поэтов, и в этом также видится форма реализации пушкинского мифа.

Интересно, что М. А. Тарловский в стихотворении «Бахчисарай» (как и Н. Н. Туроверов, предпослав ему эпиграф «Фонтан любви, фонтан живой!», правда, упомянув и Адама Мицкевича, чьи строки взяты в качестве второго эпиграфа) практически полностью воспроизводит набоковский эпизод прикосновения к пушкинскому мифу при восприятии Ханского дворца, а через него – к вечности (в

перевод с татарского языка «мен мундам» означает «я здесь»): «К Фонтану слез Гиреева дворца / Младой певец другого вел певца, / Он звал его по имени – Адам – / И, встретив их, я крикнул: “мен мундам!”... / Журчал ключом и лился через край / Воспетый Севером Бахчисарай. / В Бахчисарае это было, там, / Где я сказал впервые “мен мундам”, / Где хан не правит и Фонтан не бьет, / Где Пушкинская тень отраду пьет, / Где суждено уже не тем устам / Шептать благоговейно “мен мундам!”» [20, с. 57].

Но наиболее емко и точно мифологема «источник сакрализации Крыма» в структуре пушкинского мифа эксплицирована М. А. Волошиным: «Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер / Пушкин на них поглядел с корабля по дороге в Гурзуф» («Коктебельские берега») [5, с. 489]. И это отнюдь не преувеличение, ведь за 40 лет до появления этих строк В. М. Гаршин из Гурзуфа написал жене: «Ходим по тропинкам, по которым Пушкин хаживал 65 лет тому назад, и что-то важное и глубокое охватывает душу» [7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, в Крымском тексте русских поэтов XIX–XX вв. реализованы следующие мифологемы, составляющие структуру пушкинского мифа и образующие определенную иерархию: «романтический герой», «наставник-вдохновитель», «сакральная личность», «источник сакрализации Крыма». Они уже два века оказывали, оказывают и будут оказывать влияние не только на формирование крымского мифа и как следствие – Крымского текста, но и пространства русской литературы в целом. И в унисон с Т. Г. Шеметовой мы можем утверждать: «Несмотря на то, что имя Пушкина называют “собирабельным” – квинтэссенцией русской литературы, “нарицательным” – синонимом слова “поэт”, можно считать доказанным, что это имя, являясь кодом развернутого во времени и пространстве мифа, по-прежнему остается важным импульсом развития современной литературы» [23, с. 206]. Изучение влияния пушкинского мифа на становление русской

литературы разных эпох и художественных систем является перспективной дальнейших исследований.

Список литературы

1. Бенедиктов, В. Г. Стихотворения [Текст] / В. Г. Бенедиктов. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1939. – 376 с.
2. Бочаров, С. Г. «Заклинатель и властелин многообразных стихий» [Текст] / С. Г. Бочаров // А. С. Пушкин: pro et contra / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 572.
3. Бронштейн, А. И. Трансформация легенды Фонтана Слез [Текст] / А. И. Бронштейн // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып. 1. – С. 475-486.
4. Волобуева, И. Г. Бахчисарай [Электронный ресурс] / И. Г. Волобуева. – Режим доступа: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. – (Дата обращения: 01.03.2018).
5. Волошин, М. А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы 1891-1931 [Текст] / М. А. Волошин. – М: Эллис Лак, 2000, 2004. – Т. 2. – 768 с.
6. Вяземский, П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский. – М.: Советская Россия, 1978. – 272 с.
7. Гаршин, В. М. Избранные письма [Электронный ресурс] / В. М. Гаршин. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0250.shtml . – (Дата обращения: 14.01.2018).
8. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах [Текст] / Н. В. Гоголь. – М., Наука, 2009. – Т. 3. – С. 665.
9. Голенищев-Кутузов А. А. Стихотворения [Электронный ресурс] / А. А. Голенищев-Кутузов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/golenishewkutuzow_a_a/text_0020.shtml. – (Дата обращения: 12.10.2017).
10. Загидуллина, М. В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (Творчество А. С. Пушкина в рецептивном аспекте):

- автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / М. В. Загидуллина. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
11. Загидуллина, М. В. Пушкинский миф в конце XX века [Текст] / М. В. Загидуллина. – Челябинск, 2001. – 329 с.
 12. Курьянов, С. О. Несколько слов о Крымском тексте (Разграничение понятий Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема) [Текст] / С. О. Курьянов // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 27 (66). – № 1. – Ч. 2. – С. 171-176.
 13. Курьянов, С. О. Крым в произведениях древнерусской литературы XVI века (к проблеме становления Крымского текста) [Текст] / С. О. Курьянов // Филологические исследования. – 2016. – Вып. 15. – С. 57-72.
 14. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02 Русская литература [Текст] / В. В. Курьянова. – Симферополь, 2013 – 241 с.
 15. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб., 2003. – 314 с.
 16. Набоков, В. В. Стихотворения и поэмы [Текст] / В. В. Набоков. – М.: Современник, 1991. – 576 с.
 17. Некрасов, Н. А. Избранные произведения [Текст] / Н. А. Некрасов. – М., 1953. – 582 с.
 18. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 томах [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1959–1962.
 19. Пушкин в Тавриде. Сборник литературно-краеведческих статей [Текст] / Крымская Пушкинская библиотека. – Симферополь: Таврия, 1995. – 176 с.
 20. Тарловский, М. А. Молчаливый полет [Текст] / М. А. Тарловский. – М., 2009. – 672 с.
 21. Туроверов, Н. Н. Бахчисарай [Электронный ресурс] / Н. Н. Туроверов. – Режим доступа: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. – (Дата обращения: 01.03.2018).

22. Чичибабин, Б. А. Стихотворения [Электронный ресурс] / Б. А. Чичибабин. – Режим доступа: <http://chichibabin.ru/stihi/55.htm>. – (Дата обращения: 25.01.2018).
23. Шеметова, Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Т. Г. Шеметова. – М., 2011. – 48 с.
24. Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gurzufmuseum.com>. – (Дата обращения: 25.01.2018).

References

1. Benedictov V. G. Stikhotvoreniya [Poems]. L.: Soviet Writer Publ., Leningrad Branch, 1939. 376 p.
2. Bocharov S. G. «Zaklinatel' i Vlastelin Mnogoobraznykh Stikjhii» [“Caster and Lord of Multiple Elements”]. A. S. Pushkin: pro et contra. Saint-Petersburg: RHGI Publ., 2000. 572 p.
3. Bronstein A. I. Transformatsiya Legendy Fontana Slez [Transformation of the Fountain of Tears Legend]. Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection. Vol. 1. Pp. 475–486.
4. Volobueva I. G. Bakhchisarai [Bakhchisarai]. Available at: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. (accessed: 03.01.2018).
5. Voloshin M. A. Sobranie Sochinenii. Stikhotvoreniya i Poemy of 1891-1931 [Collected Works. 1891–1931]. M: Ellis Lak Publ., 2000, 2004. Vol. 2. 768 p.
6. Vyazemsky P. A. Stikhotvoreniya [Poems]. M.: Soviet Russia Publ., 1978. 272 p.
7. Garshin V. M. Izbrannye Pis'ma [Selected Letters]. Available at: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0250.shtml. (accessed: 14. 01.2018).
8. Gogol N. V. Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem v 23 Tomakh [A Complete Collection of Essays and Letters in 23 Volumes]. M.: Science Publ., 2009. Vol. 3. P. 665.
9. Golenishchev-Kutuzov A. A. Stikhotvoreniya [Poems]. Available at: http://az.lib.ru/g/golenishewkutuzow_a_a/text_0020.shtml ahhh! (accessed: 12. 10. 2017).

10. Zagidullina M.V. Klassicheskie Literaturnye Fenomeny kak Istoriko-Funktsional'naya Problema (Tvorchestvo A. S. Pushkina v Receptivnom Aspekte): Avtoref. Dis. ... Doct. Filol. Nauk [Classical Literary Phenomena as a Historical and Functional Problem (A.S. Pushkin's Creativity in a Receptive Aspect)]. Ekaterinburg, 2002. 24 p.
11. Zagidullina M. V. Pushkinskii Mif v Kontse XX Veka [Pushkin's Myth at the End of the Twentieth Century]. Chelyabinsk, 2001. 329 p.
12. Kuryanov S. O. Neskol'ko Slovo o Krymskom Tekste (Razgranichenie Ponyatii Krymskii Motiv, Obraz Kryma i Krymskaya Tema) [A Few Words about the Crimean Text (Differentiation of the Concepts of the Crimean Motive, the Image of the Crimea and the Crimean Theme)]. Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta. Philology. Social Communications. 2013. Vol. 27 (66). № 1. Part 2. Pp.171–176.
13. Kuryanov S. O. Krym v Proizvedeniyakh Drevnerusskoi Literatury XVI Veka (k Probleme Stanovleniya Krymskogo Teksta) [Crimea in the Works of Ancient Russian Literature of the 19 Century (to the Problem of the Formation of the Crimean Text)]. Philological Studies. 2016. Vol. 15. Pp. 57–72.
14. Kuryanova V. V. Krymskii Tekst v Tvorchestve L. N. Tolstogo: Diss. ... Kand. Filol. Nauk [Krymsky Text in the Works of L. N. Tolstoy]. Simferopol, 2013. 241 p.
15. Lyusy A. P. Krymskii Tekst v Russkoi Literature [Crimean Text in Russian Literature]. Saint-Petersburg, 2003. 314 p.
16. Nabokov V. V. Stikhotvoreniya i Poemy [Poems]. M.: Sovremennik Publ., 1991. 576 p.
17. Nekrasov N. A. Izbrannye Proizvedeniya [Selected Works]. M., 1953. 582 p.
18. Pushkin A. S. Sobranie Sochinenii v 10 Tomakh [Collected Works in 10 Volumes]. M.: GIKHL Publ., 1959–1962.
19. Pushkin v Tavride. Sbornik Literaturno-Kraevedcheskikh Statei [Pushkin in Tauris. Collection of Literary-Local History Articles]. Crimean Pushkin Library. Simferopol: Tavria Publ., 1995. 176 p.
20. Tarlovsky M. A. Molchalivyi Polet [A Silent Flight]. M., 2009. 672 p.
21. Turoverov N. N. Bakhchisarai [Bakhchisarai]. Available at: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. (accessed: 03.01.2018).

22. Chichibabin B. A. Stikhotvoreniya [Poems]. Available at: <http://chichibabin.ru/stihi/55.htm>. (accessed: 25.01.2018).
23. Shemetova T. G. Biograficheskiy Mif o Pushkine v Russkoi Literature Sovetskogo i Postsovetskogo Periodov: Avtoref. Dis. ... Doct. Filol. Nauk [Biographical Myth about Pushkin in Russian Literature of the Soviet and Post-Soviet Periods]. M., 2011. 48 p.
24. Muzei A. S. Pushkina v Gurzufе [Museum of A. S. Pushkin in Gurzuf]. Available at: <http://gurzufmuseum.com>. (accessed: 25.01.2018).

**PUSHKIN'S MYTH IN CRIMEAN TEXT OF RUSSIAN POETS OF THE 19TH–
20TH CENTURIES**

Ivanova N. P.

**Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation
E-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru**

In the article, from the standpoint of methods aimed at studying receptive aesthetics, the influence of the fact that A. S. Pushkin visited Crimea in 1820 and the poet's works related to his stay on the peninsula on the perception of this region by literary figures of the 19th and 20th centuries and their work is considered. The ways to implement Pushkin's myth in the Crimean text of Russian poets of the specified period are analyzed. The purpose of the article is to identify the structure and features of the functioning of the writer's myth about A. S. Pushkin. The research is based on poetic works by V. G. Benediktov, M. A. Voloshin, P. A. Vyazemsky, N. A. Nekrasov, V. V. Nabokov, N. N. Turoverov, I. G. Volobueva, M. A. Tarlovsky, B. Chichibabin, which implemented the following myths that make up the structure of Pushkin's myth and form a certain hierarchy: "romantic hero", "mentor-inspirer", "sacral person", "source of sacralization of Crimea". In addition, the origin and functioning of such myths as "Pushkin's cypress" and "Pushkin's sycamore" in the artistic text are considered. The study concluded that A. S. Pushkin's visit to the Crimea at the beginning of his creative journey not only determined the nature of his poetry, but also became one of the first prerequisites for the emergence of Pushkin's myth, and ideas about the peninsula of literary figures, which were contemporaries and followers of the poet, they find an inseparable connection with his name. One of the main means of explication of Pushkin's myth was the Crimean text, in which the Pushkin's Crimea as myth appeared from the first third of the twentieth century. The perception of the peninsula through the prism of the analyzed myth leads to the sacralization of this region.

Keywords: Crimean text, Pushkin myth, writer myth, myth structure, mythology.